

Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье осуществляется рассмотрение особенностей понимания права и правосознания в контексте классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции.

В качестве критериев дифференциации подходов к правопониманию и правосознанию автор предлагает рассматривать циклический подход, предполагающий разграничение в истории российской государственно-правовой системы трех этапов: имперского (классического), советского (постклассического), постсоветского (постнеклассического).

На основании проведенного анализа делается вывод о субъективности подходов к пониманию права и правосознания, что отражается как в организации научно-образовательной системы современной России, так и в определении оценочных параметров ее эффективности.

Ключевые слова: классическая, постклассическая, постнеклассическая юриспруденция, правосознание, правовая культура, правовые ценности, революционное правотворчество, социалистическое право, живое право.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 82–100. DOI 10.35231/18136230_2023_1_82

Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article consists of the features of understanding of law and legal awareness in the context of classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence.

As criteria for differentiation of approaches to legal understanding and legal awareness, it proposes to consider a cyclic approach, which involves the distinction in the history of the Russian state-legal system of three stages: imperial (classical), Soviet (post-classical), post-Soviet (post-Chronic).

On the basis of the analysis, the conclusion is concluded about the subjectivity of approaches to understanding the law and legal awareness, which is reflected both in the organization of the scientific and educational system of modern Russia and in the definition of evaluative parameters of its effectiveness.

Key words: classical, post-classical, post-non-classical jurisprudence, legal awareness, legal culture, legal values, revolutionary law-making, socialist law, living law.

For citation: Romashov, R. A. (2023) Osobennosti pravoponimaniya i pravosoznaniya v klassicheskoy, postklassicheskoy i postneklassicheskoy yurisprudentsii [Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 82–100. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_82

Категории классика-постклассика-постнеклассика, модерн-постмодерн достаточно часто используются в трудах современных отечественных исследователей в сфере социогуманитаристики, в том числе работающих в области теории права [19, с. 135–163; 24, с. 6–29; 11, с. 15–28]. При этом, говоря о классических, постклассических, постнеклассических, модернистских, постмодернистских юридических исследованиях, авторы, как правило, исходят из факта самоочевидности самих перечисленных понятий как собственно юридических категорий. Достаточно часто можно услышать: «такой-то стал живым классиком», «по мнению классика», «классик отметил», «в трудах классика». При этом остается неясным, по каким критериям того или иного научного деятеля следует относить к классикам, может ли классик стать постклассиком и уж тем более постнеклассиком. То же самое может быть сказано по отношению к представителям юридического модерна и постмодерна. Попытки отыскать в отечественной юридической литературе какие бы то ни было материалы, посвященные определению критериев классичности юридической науки в целом и отдельных научных отраслей в частности, успехами не увенчались. Получается, что классики и модернисты в юридической науке есть, сама юридическая наука подразделяется на классическую, постклассическую, постнеклассическую, однако доподлинно не известно, где разделительная черта между классикой, постклассикой и постнеклассикой применительно к пониманию и содержательному наполнению права и правосознания.

Расширение предметной области поисков позволило отыскать статью «Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении». Автор, скрывающийся под звучным псевдонимом STALINIST, несмотря на достаточную одиозность суждений, высказы-

вает довольно рациональную мысль: «Правящие классы и России и СССР, при всех их радикальных противоречиях, были едины в одном, они исповедовали европоцентризм...И эти правящие классы использовали в качестве фильтра для определения литературных произведений как классических оценку этих произведений на Западе»¹.

Право, правосознание, как впрочем и юриспруденция в целом в своем современном понимании, представляются продуктами либерально-буржуазной («западной») правовой культуры, которой российская юридическая наука «обязана» такими понятиями, как естественное право, правовое государство, права человека и гражданина, разделение властей, конституция и др. Будучи рожденными в процессе буржуазных революционных преобразований в государствах континентальной Европы и Северной Америки, эти и связанные с ними понятия в ходе политико-правогенеза приобрели характер «общечеловеческих ценностей» и в настоящее время используются в конституционных актах практически всех государств вне зависимости от формы правления, административно-территориального устройства, политического режима, идеологии и религии. Таким образом, система правовых ценностей, сложившихся в ходе буржуазно-демократических преобразований, получила распространение во всем мире и может рассматриваться в качестве классической, в том числе с точки зрения ее восприятия российской дореволюционной и современной юриспруденцией, которые в основе своей опирались и опираются на фундаментальные институциональные каноны, ценностные приоритеты и принципы, сложившиеся в образовательно-научной системе западно-европейского (преимущественно германского) и англо-американского права. Однако, отмечая

¹ Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinist.livejournal.com/1499309.html>.

сходность в области теоретических правовых конструкций, а также базовых принципов правотворческой и правореализационной деятельности в Российской Империи (на стадии формирования капиталистической системы экономики) и в Российской Федерации (на аналогичном этапе экономической трансформации), следует рассматривать названные государственно-правовые системы в качестве дискретных циклов, не связанных общей традицией ни в области государственного устройства, ни в сфере понимания права и правосознания.

Формирование юридической концепции правопонимания в Российской империи происходило под воздействием двух самостоятельных тенденций: традиционной – право как возведенная в закон воля Государя [23, с. 117] и новационной, основанной на рецепции западного правового опыта как в теоретической, так и в практической юриспруденции [16, с. 23]. Кроме того, социально-классовое структурирование имперских подданных на «благородных» (светская и духовная аристократия) и «простых», не могло не повлиять на природу правосознания представителей различных социальных групп, оперировавших в своих логических построениях противоречивыми целевыми и ценностными установкам. Такие противоречия вели к тому, что понимание и субъективная оценка права в целом и юридического процесса в частности «благородными» и «простыми» осуществлялась на основании стереотипов, исключающих приведение к единому правовому порядку. То, что воспринималось в праве в качестве легитимного «благородными», отвергалось «простыми», и наоборот.

Попытку перейти от классической к постклассической модели правопонимания и правосознания предприняли «отцы-основатели» советской социалистической государственно-правовой системы, отрицающей «классическое

буржуазное» право «эксплуататорского» государства, основанного на праве частной собственности и экономической эксплуатации человека человеком [25, с. 103–106].

Советское социалистическое право в реальности может рассматриваться в качестве постклассического. При этом переход от классической юриспруденции Российской империи, сложившейся на основе европейской, и прежде всего немецкой юридической школы к постклассической осуществлялся не эволюционным, а революционным путем, предполагавшим пресечение национальной правовой традиции, разрушенной новой властью вместе с ее носителями: имперским русским государством и имперским русским народом, объединенными известной триадой графа Уварова «православие, самодержавие, народность».

Советская юриспруденция, отринув свою «имперскую предшественницу», равно как и породившую ее западную (буржуазную) юридическую науку и практику, тем не менее заимствовала у названных систем ряд правовых форм (конституция, народное представительство, политическая партия, демократия, федерация и т.п.), наполнив их качественно отличным от аутентичных (классических) аналогов содержанием.

На смену классической модели правопонимания и правосознания, основанной на европейской юридической науке и профессиональных юридических кадрах, пришли революционное правотворчество широких народных масс, революционное правосознание и революционная законность, базировавшиеся не на научных концепциях правопонимания и нормативной юридической технике правотворческой и правореализационной деятельности, а на классово-партийной государственной идеологии, определяющей направления государственно-правового развития, задающей его ценностные приоритеты и целевые ориентиры. Авторы коллективного труда «История

уголовного права» отмечали, что в порыве «народного творчества уничтожались старые и создавались новые суды, творилось...новое право... Масса требовала нового, революционного порядка, новой, революционной законности» [4, с. 9]. Когда традиционное имперское право утратило юридическую силу, а новое право советской социалистической республики еще только формировалась, в качестве фактического источника революционного права выступало правосознание лиц, наделенных функциональными полномочиями в сфере правоприменения, в первую очередь в сфере уголовного преследования и уголовного правосудия [14, с. 88–94]. В декрете СНК о суде № 1 от 22.11.1917 закреплялось положение, в соответствии с которым «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5). При этом, по мнению В. И. Ленина, «Судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий» [13, с. 169]. По мнению Г. М. Португалова, «В творимом социалистическом праве... отсутствует простая историческая преемственность правовых институтов, резко оборванная вместе с нитью старой жизни» [17, с. 24]. В условиях обозначенной дискретности основным отличием «социалистического декрета» от «буржуазного закона» является то, что «первый не есть мудрствование законодателя, удачное или неудачное, проникнутое правополитическим заданием или своевольное..., а есть претворение в статьи и параграфы того учения, которое объединяет весь трудовой народ, составляя его общественное исповедание, есть конкретизация того самого социалистического правосознания...» [17, с. 24].

Переход от системы революционной законности к социалистической получил юридическое закрепление в процессе разработки и принятия Конституции СССР 1936 г., закрепившей «окончательную победу социализма» и ознаменовавшей завершение процесса формирования нормативистской модели социалистического права, в рамках которой правосознание, утратив статус формального источника права, отошло на «второй план» и в дальнейшем рассматривалось преимущественно в связи с феноменом правовой культуры [8, с. 38–44].

Во второй половине XX-го века социалистическое право представляло собой мировую правовую семью, сходную с романо-германской, однако существенным образом отличную от нее. По мнению Р. Давида, «Единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией. В соответствии с доктриной марксизма-ленинизма, являющейся официальной, законодатель стремится прежде всего создать новый экономический строй. Средства производства обобществлены...Частное право уступает господствующее место праву публичному» [6, с. 15]. Социалистическое правосознание представляло собой специфическую форму отражения социалистического права, в которой сочетались традиционное нигилистическое отношение к нормативному тексту законодательного акта со столь же традиционной верой в правовую справедливость, базовые положения которой получили свое закрепление в Моральном кодексе строителя коммунизма [1, с. 21–28; 10, с. 102–116].

Современная российская юриспруденция, сформировавшаяся в ходе масштабных изменений национальной государственно-правовой системы, может рассматриваться в качестве постнеклассической. Перестав быть

советской социалистической, она не вернулась к классической западной «романо-германской» форме, характерной для правовой системы Российской империи.

В теории правопонимания ортодоксальный нормативизм сменился плюрализмом с акцентом на юснатурализм и социологический правовой реализм [9, с. 4–12]. Вместе с тем в практике правоприменения продолжает доминировать позитивистский тип правопонимания, в рамках которого источниками права считаются документальные юридические формы (нормативно-правовые акты, нормативные договоры), реализуемые как в непосредственных (исполнение, соблюдение, использование), так и в опосредованных (применение) правоотношениях [15, с. 68–72].

Закрепление на конституционном уровне права частной собственности и экономической свободы означает переход к капиталистической экономике, в рамках которой существует классовый антагонизм между эксплуататорами (владельцами средств производства и финансовых капиталов) и эксплуатируемыми (наемными работниками). В складывающейся ситуации право, по идее, должно рассматриваться в качестве инструмента, при помощи которого эксплуататорское государство осуществляет угнетение эксплуатируемых народных масс. Применительно к правосознанию отмеченная особенность правопонимания обуславливает специфику соотношения правовой психологии и правовой идеологии. Последняя отражает отношение к праву со стороны государства, стремящегося «подвести» под единый правовой стандарт правовые воззрения представителей различных социальных групп, формально соединенных в конструкции «народ Российской Федерации», однако на практике выступающих в качестве носителей не только не совпадающих, но и вступающих в серьезные противоречия ценностных и целевых установок [20, с. 367–370]. Такие противоречия,

в свою очередь, означают необходимость разграничения субъектов правовой психологии на лиц, поддерживающих исходящую от государства правовую политику, и тех, кто ее критикует, занимая по отношению к официальному праву нигилистическую позицию. Подобное разграничение актуализирует проблему легитимности современного российского права [12, с. 8], суть которой заключается в восприятии как самих правовых актов, так и в принимаемых на их основе правоприменительных решений в качестве справедливого порядка обычными людьми, составляющими «глубинный российский (русский) народ» [7, с. 9–35], традиционно отделенный от аппарата государственной власти «замкнутого» в своей организации и деятельности на персонифицированного главу государства, наименование должности которого на различных этапах исторического развития российского государства не меняет функционального наполнения фигуры «Государя русской земли и русского народа» [22, с. 188]. В условиях, когда «сознание правоприменителей имеет большее значение, чем текст закона, – их корпоративные интересы при толковании норм доминируют над правами поднадзорных лиц» [12, с. 9], а это, в свою очередь, предопределяет сочетание и, более того, взаимное дополнение формального права и властного волюнтаризма как системных элементов существующей правовой реальности. Действуя от имени «единого народа», бюрократическая власть «целенаправленно конструирует общественное мнение, формирует картину мира, наделяя юридическими значениями свою волю» [21, с. 118–122]. Благодаря суггестивному воздействию любая предложенная картина мира приобретает в глазах населения естественность. Тем самым социальный мир может искусственно наделяться признаками разумности и онтологической безопасности, вовсе не являясь таковым. Власть переводит социальные явления в политиче-

ские, наделяя свой произвол квазюридическим значением нормы. Средствами массовой информации любые действия субъектов публичной власти могут объявляться жизненно необходимыми, а все негативные последствия от субъективных решений – объективными процессами. Социально-политическое господство обеспечивает монополию властных лиц на право применять насилие к нарушителям установленных ими норм от имени всего общества [2], с. 118–122]. Восприятие субъективным сознанием нормативного текста и его волевой интерпретации в качестве структурных элементов целостного правового единства актуализирует проблему «живого права», которое в современных российских реалиях существенно отличается как от классической (социологическая концепция О. Эрлиха) [2, с. 159], так и от постклассической (американский правовой реализм) [5, с. 17–26] интерпретаций.

Применительно к сложившейся в настоящий период национальной правовой системе конструкцию «живого русского права» следует рассматривать с учетом дифференциации правовой теории и юридической практики.

В теории права (за исключением теории правопонимания) продолжает доминировать позитивистский подход, в рамках которого формальные источники права представлены иерархией нормативных текстов (документов), подразделяемых на законы – акты высшей юридической силы и подзаконные нормативные акты. При этом аутентичный текст закона обладает приоритетным значением по отношению ко всем другим производным от него актам (доктринальным, интерпретационным, исполнительным и правоприменительным).

Вместе с тем на практике складывается ситуация, существенным образом отличающаяся от той, которая существует в отечественной теории права. Для практического правоприменителя «живыми», а стало быть, подлежащими

ми реализации в рамках служебной деятельности, являются не абстрагированные политические акты – документы стратегического планирования (доктрины, стратегии, концепции, основы государственной политики и др.), а конкретные инструктивные положения, прописанные в должностном функционале. Кроме того, реальной силой в сфере конституционного права наделены интерпретационные акты Конституционного Суда России, не изменяющие текстуальную нормативную форму, однако существенным образом меняющие ее смысл. По мнению профессора Н.С. Бондаря, такие акты, по сути своей являющиеся обличенными в нормативную форму эманациями правосознания судей Конституционного Суда, в формальном смысле не являются законами, но по своей юридической силе равны им [3, с. 75–85].

В настоящее время юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе российского «живого» конституционного права включает три основных инструмента: преобразование аутентичного конституционного текста в рамках традиционной парламентской деятельности в сфере принятия и изменения федеральных конституционных законов; внесение текстуальных изменений в главы 3–8, посредством которых осуществляется смысловая коррекция законодательных положений глав 1, 2, которые объявлены текстуально неизменными; внесение смысловых изменений в конституционный текст путем его интерпретации Конституционным Судом России.

Во всех случаях «живое» конституционное законодательство (так же как и законодательство других отраслей российского права) находится в непосредственной зависимости от государства (точнее от его отдельных представителей, наделенных конкретными прерогативами в законотворческом процессе), которое продолжает

выступать по отношению к национальному праву в целом и законодательному массиву, в частности, в качестве владелительного суверена.

Также следует отметить и то, что несмотря на распад мировой системы коллективного социалистического Востока, противостояние теперь уже одной России коллективному Западу не только не прекратилось, а приобрело по истине ожесточенный характер¹. При этом попытки выстроить новые межгосударственные объединения (СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС) наглядным образом свидетельствуют о грядущих масштабных изменениях, в том числе связанных с правовой парадигмой и концепцией как коллективного, так и корпоративного и индивидуального правосознания. Продекларированный на официальном уровне отказ от обязательных научных публикаций в «западных» базах научного цитирования, выход из Евросоюза, намерение заменить болонскую образовательную систему уникальной российской², наглядным образом свидетельствуют о стремлении к импортозамещению и ликвидации зависимости от Запада во всех областях общественной жизни, в том числе в области юридических исследований, связанных как с теорией правопонимания, так и с практикой правоприменительной деятельности.

В сфере практической юриспруденции внедряемые по «инициативе сверху» новации связаны прежде всего с переосмыслением проблемы соотношения международного права и национального законодательства. Поправки, внесенные в Российскую конституцию в 2020 г. фактически закрепляют приоритет национального конституционного законодательства по отношению к международному праву (п. Б ч. 5.1 ст. 125).

¹ Путин заявил о десятилетиях агрессии коллективного Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/07/zpad/>.

² Россия отказывается от Болонской системы – бакалавриата и магистратуры. Как изменится образование и что ждет студентов? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/05/26/bolonsky/>.

Рассмотрение соотношения классического, постклассического и постнеклассического российского права актуализирует проблему определения критериев отбора классиков права. С одной стороны, классик – это основатель и лидер направления исследований, признанного классическим. Возникает логичный вопрос: кто признает ученого классиком и каким образом это признание оформляется.

На определенном этапе все тот же Запад, наряду с университетами, в стенах которых формировались научные школы и научные традиции, «изобрел» научные академии, ставшие своего рода ареопагом ученого мира. Логично предположить, что классиками в той или иной области научных исследований являются авторитетные ученые, избранные членами национальных академий наук. Однако исторический опыт показывает, что нередко академиками становятся люди, отнесение которых к классикам носит, мягко говоря, сомнительный характер. Первым в истории России академиком, причем представленным «не абы где», а в Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе, стал не кто иной, как светлейший князь Александр Данилович Меншиков¹, о котором злые языки судачили, что сей просвещенный муж, был если не безграмотным, то уж точно не мог похвастаться ни системным образованием, ни сколько нибудь значительными научными достижениями, в какой бы то ни было области.

Еще одним «изобретением» в области определения критериев оценки эффективности научно-исследовательского труда выступают различные индексы научного цитирования, в том числе пресловутый «индекс Хирша». Представляя собой достаточно формальный показатель, названный индекс, равно как и подобные ему, обу-

¹ Как Александр Меншиков стал первым русским академиком в Англии [Электронный ресурс]. URL: <https://to-ros.info/?p=42531>.

словил в ряде случаев «обратный эффект», связанный с появлением различных техник недобросовестного увеличения желаемых цифровых показателей. Всем нам известны примеры, когда за выдающимся индексом цитирования нет сколько-нибудь серьезных исследовательских работ, а процесс «роста Хирша» сводится к самоцитированию, а также к договорной (коррупционной) практике, предполагающей либо «перекрестное опыление», когда несколько авторов попросту договариваются друг с другом о взаимном цитировании, либо фактическое принуждение к цитированию работ начальствующего субъекта (научного либо административного руководителя) зависимыми от него лицами.

Еще один критерий – персонифицированные научные исследования в области политико-правовых учений. Обращает на себя внимание уже отмеченный европо-, а точнее западоцентризм, в рамках которого в качестве классиков, избираемых в качестве предмета научного исследования, как правило, выступают представители западных философско-юридических школ. Если же речь идет о представителях отечественной юриспруденции, то безусловное предпочтение отдается дореволюционному периоду, что же касается относительно недавнего советского прошлого, то оно рассматривается преимущественно в уничижительно критическом контексте как период ортодоксального нормативизма, по определению не достойного для отнесения к классике. Причем такой подход на законодательном уровне достаточно спокойно уживается с конституционным закреплением правопреємства и правопродолжения РФ и СССР.

Понимание классичности и постклассичности, равно как модерна и постмодерна, в юриспруденции представляется целесообразным осуществлять применительно к завершенным и длящимся циклам полито- и правове-

неза [22]. В рамках каждого цикла формируется самостоятельная национальная правовая традиция понимания права и правосознания, делающая юридические исследования классическими и, соответственно, рождающая классиков правоведов. Сохранят ли эти направления и личности свой классический статус либо канут в грядущем модернистском «поствременье», решает бесстрастная равнодушная к субъективным оценкам история правовой науки, мгновенья которой «раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие»¹.

Список литературы

1. Аверин Н. М. Советская этика: идеологический фантом или историческое наследие? // Вестник ТГУ. – 2000. – № 3 (19).
2. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма // Правоведение. – № 1. – 2013.
3. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4 (124).
4. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. – М.: Юрид. изд-во, 1948. (Ленинград: тип. им. Евг. Соколовой).
5. Голдобина З. Г. Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2008. – № 1.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988.
7. Ильин В. А., Морев М. В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 2.
8. Кабенко М.С. Особенности советского социалистического правосознания, обусловившие его деформацию // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 3 (28).
9. Кожевников В. В. Проблемы типов правопонимания в отечественной юриспруденции // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53).
10. Курилов В. А. «Строитель коммунизма» и «homo religiosus» в философском дискурсе марксистско-ленинской этики // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2019. – № 3.
11. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. Т. 4. – № 8.
12. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2019.
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 38.

¹ Рождественский Р. Мгновения [Электронный ресурс]. URL:<https://www.culture.ru/poems/42594/mgnoveniya>.

14. Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-2 (47).

15. Мельников С. А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107).

16. Павкин Л. М. Особенности правового развития Российской империи // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2010. – № 3.

17. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. – Петроград: Государственное издательство, 1922.

18. Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2021.

19. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. – 2014. – № 5 (316).

20. Ромашова М. Р. «Государственный народ» – социальная основа государственного суверенитета и источник государственной власти // Глобализация и региональное развитие в XXI в.: векторы развития, вызовы, инновации. Сборник научных статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и адъюнктов. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019.

21. Ромашова М. Р., Ромашова Г. Т. Многонациональный народ Российской Федерации – источник государственной власти и коллективный носитель государственного суверенитета // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике. Материалы XIX Межвузовской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В двух частях. – Казань, 2019.

22. Ромашов Р. А. Политогенез: монография / вступ. сл. В. П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 2020.

23. Синуков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994.

24. Тимошина Е. В. Классика, постклассика...неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. – 2014. – № 4 (315).

25. Щелкунова Е. М. Эксплуататорский тип российского государства как основной фактор сохранения ресурсной зависимости российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3.

References

1. Averin, N. M. (2000) *Sovetskaya e`tika: ideologicheskij fantom ili istoricheskoe nasledie?* [Soviet ethics: an ideological phantom or a historical legacy?]. *Vestnik TGU – Bulletin TGU*. No. 3 (19). (In Russian).

2. Antonov, M. V. (2013) *Ojgen E`rlix: zhivoe pravo protiv pravovogo plyuralizma* [Eugen Ehrlich: Living law against legal pluralism]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 1. (In Russian).

3. Bondar`, N. S. (2007) *Normativno-doktrinal`naya priroda reshenij Konstitucionnogo Suda RF kak istochnikov prava* [Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 4 (124). (In Russian).

4. Gercenzon, A. A., Gringauz, Sh. S., Durmanov, N. D. i dr. (1948) *Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava* [The History of Soviet Criminal law]. Moscow: Yuridicheskoye izdatel'stvo, (Leningrad: tip. im. Evg. Sokolovoj). (In Russian).
5. Goldobina, Z. G. (2008) *Yuridicheskij pragmatizm i sociologicheskoe napravlenie v amerikanskom prave* [Legal pragmatism and the sociological direction in American law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. No. 1. (In Russian).
6. David, R. (1988) *Osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti* [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
7. Il`in, V. A., Morev, M. V. (2019) «*Intellektual`noe bessilie` pravvyashhix e`lit i «glubinny`j narod` »dolgogo gosudarstva*» ["Intellectual impotence" of the ruling elites and the "deep people" of the "long state"]. *E`konomicheskije i social`ny`e peremeny` : faktory`, tendencii, prognoz – Economic and social changes: factors, trends, forecast*. Vol. 12. No. 2. (In Russian).
8. Kabenko, M. S. (2011) *Osobennosti sovetskogo socialisticheskogo pravosoznaniya, obuslovivshie ego deformaciyu* [Features of the Soviet socialist legal consciousness that caused its deformation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Omsk university. Series "Right"*. No. 3 (28). (In Russian).
9. Kozhevnikov, V. V. (2017) *Problemy` tipov pravoponimaniya v otechestvennoj yurisprudencii* [Problems of types of legal understanding in domestic jurisprudence]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Omsk university. Series "Right"*. No. 4 (53). (In Russian).
10. Kurilov, V. A. (2019) «*Stroitel` kommunizma` i «homo religiosus» v filosofskom diskurse marksistsko-leninskoy e`tiki* ["The Builder of communism" and "homo religiosus" in the philosophical discourse of Marxist-Leninist ethics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University*. No. 3. (In Russian).
11. Lazarev, V. V. (2016) *Tolkovanie prava: klassika, modern i postmodern* [Interpretation of law: classics, modern and postmodern]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. Vol. 4. No. 8. (In Russian).
12. *Legitimnost` prava* [Legitimacy of law]: kollektivnaya monografiya / pod obshh. red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. Saint-Petersburg: Aletejya, 2019. (In Russian).
13. Lenin, V. I. (1958) *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works] / In-t marksizma-leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gospolitizdat, Vol. 38. (In Russian).
14. Maksimova, O. D. (2014) *Revolucionnoe pravosoznanie kak istochnik sovetskogo prava i zakonotvorchestva* [Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law and lawmaking]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. No. 9-2 (47). (In Russian).
15. Mel`nikov, S. A. (2015) *K voprosu o formax realizacii prava* [On the question of forms of realization of the right]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskaj akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 6 (107). (In Russian).
16. Pavkin, L. M. (2010) *Osobennosti pravovogo razvitiya Rossijskoj imperii* [Features of the legal development of the Russian Empire]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasus Legal Bulletin*. No. 3. (In Russian).
17. Portugalov, G. M. (1922) *Revolucionnaya sovest` i socialisticheskoe pravosoznanie* [Revolutionary conscience and socialist legal consciousness]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel`stvo. (In Russian).
18. Romashov, R. A. (2021) (ed.) *Pravogenez: tradiciya, volya, zakon* [Pravogenesis: tradition, will, law]: kollektivnaya monografiya. Saint-Petersburg: Aletejya. (In Russian).

19. Razuvaev, N. V. (2014) *Sovremennaya teoriya prava v poiskax postklassicheskoy paradigmy` poznaniya* [Modern theory of law in search of a postclassical paradigm of cognition]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 5 (316). (In Russian).

20. Romashova, M. R. (2019) «*Gosudarstvenny` j narod*» – *social`naya osnova gosudarstvennogo suvereniteta i istochnik gosudarstvennoj vlasti* ["The state people" – the social basis of state sovereignty and the source of state power] // *Globalizatsiya i regional`noe razvitiye v XXI v.: vektory` razvitiya, vy`zovy`, innovatsii*. Sbornik nauchny`x statej Vserossijskoj (s mezhdunarodny`m uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii magistrantov, aspirantov i ad``yunktov. Samara: Samarskij gosudarstvenny` j e`konomicheskij universitet. (In Russian).

21. Romashova, M. R., Romashova, G. T. (2019) *Mnogonacional`ny` j narod Rossijskoj Federacii – istochnik gosudarstvennoj vlasti i kollektivny` j nositel` gosudarstvennogo suvereniteta* [The multinational people of the Russian Federation are the source of state power and the collective bearer of state sovereignty] // *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost` : molodezhnoe predprinimatel`stvo v povedencheskoj e`konomie*. Materialy` XIX Mezhdvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i molody`x ucheny`x. V dvux chastyax. Kazan`. (In Russian).

22. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez* [Politogenesis]: monografiya /vstup. sl. V. P. Sal`nikov. Saint-Petersburg: Aleteiya, (In Russian).

23. Sinyukov, V. N. (1994) *Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [The Russian legal system. Introduction to general theory]. Saratov: Poligrafist. (In Russian).

24. Timoshina, E. V. (2014) *Klassika, postklassika...neoklassika: k obosnovaniyu kontrpostmodernistskoj programmy` v teorii prava* [Classics, postclassics... neoclassics: to substantiate the counter-postmodern program in the theory of law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 4 (315). (In Russian).

25. Shchelkunova, E. M. (2011) *E`kspluatatorskij tip rossijskogo gosudarstva kak osnovnoj faktor soxraneniya resursnoj zavisimosti rossijskoj e`konomie* [The exploitative type of the Russian state as the main factor in preserving the resource dependence of the Russian economy]. *Vestnik e`konomie, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. No. 3. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 14 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023